

7. Стрельский, О. М. Общая философская концепция событийных процессов. Практические предложения / О. М. Стрельский // Проблемы создания информационных технологий : сб. науч. трудов / под ред. Г. Г. Маньшина. – Минск, 2016. – Вып. 27. – С. 321–324.

8. Стрельский, О. М. Ресурсы собственного времени живой системы. Проблемы создания информационных технологий / О. М. Стрельский. – М., 2014. – Вып. 24. – С. 205–207.

9. Döbereiner, W. Astrologisch-homöopathische Erfahrungsbilder zur Diagnose und Therapie von Erkrankungen / W. Döbereiner. – Münchner rhythmischenlehre, 2002. – Band 1, p. 8–32.

БИОБИБЛИОГРАФИЯ КАК САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ КУЛЬТУРЫ

Н. Т. Стронская,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии
и информационных коммуникаций Национальной академии
руководящих кадров культуры и искусств*

Во главу угла любых научных исследований, как правило, ставится человек, что вполне объяснимо его антропологическим началом (то есть созданы людьми для людей). При этом закономерно, что для актуальной науки характерным является глубокое исследование природы человека посредством анализа продуктов его деятельности. Таким образом, мы говорим уже о дуальности существующей реальности: в одном случае это актуальная, «опредмеченная» действительность, триангулируемая посредством физических предметов; во втором – реальность, создаваемая самим человеком, репрезентируемая через духовно-физический симулякр – культуру как такую [3].

Культура может рассматриваться в таком свете как ментальность в случае ее актуализации на субъектном уровне. Такое понимание последней продуцирует расслоение этого феномена на простейшие три элемента: групповое сознание (демиург культурных ценностей), историческое время (невозможность атомизации культуры от хронотопа), а также географическое пространство (некая локализация культурных феноменов) [2, с. 172].

Любопытно, что, несмотря на многочисленные исследования культуры посредством продуктов человеческой деятельности в различных науках (от лингвистики до философии языка), до сих пор не существует корректно выстроенной концепции сосуществования формы и смысла в ее границах. В этом свете формой выступают непосредственно носители культурного кортекса, а смысл представлен посредством символической среды, создаваемой индивидуумом с целью собственной адаптации к реальности и непосредственно к культуре, а именно культурации личности [3].

Исследованиями упомянутой проблематики на междисциплинарной почве занимались: Г. Акопов, В. Барулин, А. Брушлинский, П. Гуревич, У. Джеймс, Л. Дорфман, Т. Иванова, А. Крылов, Д. Леонтьев, В. Петров, В. Руднев, В. Степин и др.

Культура социальна уже по своей природе. Это позволяет постулировать, что непосредственно ее феномен представлен в качестве высокоорганизованной системы надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (бытования онога в онтологической реальности). Закономерно, что упомянутые программы (некие знания, предписания, нормы, навыки, идеалы и пр.) репрезентируются посредством собственной совокупности и исторической динамики эволюционирующего социального опыта [5, с. 6]. При этом последний является непременным условием бытования культуры, поскольку обеспечивает наследственность и непрерывность культуропотока. Одной из вех упомянутого процесса, по нашему мнению, являются биографические и биобиблиографические данные, поскольку они дискурсивны соотносимо культурных продуктов, представляясь элементом той среды, которая продуцирует их появление. Так, человек в таком свете может быть позиционирован как некий род сущего, субъект социального процесса, творец культуры и исторического развития. Являясь биосоциальным существом, он генетически связан с иными формами жизни, выделившись из них благодаря способности производить орудия труда, создавать символы, обладать членораздельной речью, мышлением и сознанием, нравственно-этическими качествами [1, с. 3].

Таким образом, биобиблиографию необходимо рассматривать в качестве текста с характерными интер-, мета- и ме-

диатекстуальными связями. Последнее позволяет говорить о ней как о некоем культурном коде, сигнале и прочем, передающем информацию, что приводит, в конечном счете, к уменьшению количества энтропии в мире [4, с. 39]. Действительно важным при этом является то, что в таком понимании она дискурсивна, то есть может выступать средством самоидентификации культурного пространства посредством восприятия вовлеченного в культуру субъекта. Последний, закономерно, выполняет двойную роль: с одной стороны, это пассивный потребитель культурных благ – вещественной части культурной полисистемы; с другой – активный демиург нового витка культурной реальности, поскольку культура органически соединяет в человеке его природные и социальные качества. Это связано с тем, что она представляется продуктом его творения, при этом человек является одновременно и творцом культуры, и ее представителем, носителем – существом культурным [3].

Таким образом, если любой предмет реальности конвертируется во времени в сторону увеличения упомянутой энтропии либо «белого шума», флуктуаций, деструктурирующих культурное полотно, то биобиблиография в виде текстового массива движется по времени в обратном направлении: энтропического спада и кумуляции информационных данных. В таком понимании она (биобиблиография) представляется некоей реальностью, триангулируемой в обратном временном движении. Поэтому то, что является текстом у наших временных антиподов (рисование квадрата), для нас – событие реальности (катастрофическая гибель квадрата) и наоборот [4, с. 39].

Таким образом, социальный мир влияет на индивидуума не только через действия реально существующих людей, которые разговаривают, общаются, показывают пример, убеждают, но и через невидимые способы действий и объекты, созданные людьми в окружающем его мире. Существуют не только предписанные формы социального взаимодействия: обычаи, схемы, сценарии, игры, ритуалы и пр., но и искусственные объекты, насыщающие мир человеческим интеллектом: слова, изобретения, сооружения и т. д. [3].

При этом фокусировка на культурном полотне с позиций реальности может быть интерпретирована как акцентуация на текстуальности, выраженной через наследственность духов-

ного наследия. Это позволяет говорить о том, что объект, выступая овеществленным элементом онтологической реальности, стремится от менее энтропийного состояния к более энтропийному, то есть деструктурируется. Однако этот же объект в качестве медиатекста, как было сказано, изменяется во времени от более энтропийного состояния к менее энтропийному, созидаясь таким образом [4, с. 39]. Последнее позволяет сделать вывод о межличностном характере бытования человека: он живет среди себе подобных, подчиняясь неким предустановленным рамкам. Носителем оных представляется биобиблиографическая информация, являющаяся медиатекстуальной по своему характеру: позиционируясь в качестве дискурсивной, она формирует определенные вехи, в границах которых обеспечивает культурный гомеостаз.

Именно поэтому проблема бытования субъекта в онтологической реальности – это проблема культуры в самом широком понимании. Это связано с тем, что будни материализованы в совокупности значений, ожидающих прочтения носителем культурного кода. Это необходимо для обретения некоей опоры в этом мире, адаптации к нему, поскольку культура возникает и продолжает процесс своего формирования посредством человеческих действий [3]. Соответственно вопрос наследственности, преемственности культурного наследия стоит особенно остро по причине того, что это необходимо для сохранения самобытности той или иной культурной полисистемы. В рамках оной биографические и биобиблиографические данные в том или ином виде следует рассматривать в качестве некоего указателя в координатах дискурса, в которых существовала некая личность. Это связано с тем, что такой подход представляется продуктивным именно по причине релеванционного характера своего бытования. Именно поэтому разработка и усовершенствование новых форм бытования упомянутых данных – необычайно перспективное направление современности. Комплексность и глубина такого исследования позволят на новом уровне «подойти» к классическим проблемам любой научной сферы, декодируя прежде известное в совершенно новом ключе.

1. Гуревич, П. С. Проблема целостности человека / П. С. Гуревич. – М., 2004. – 178 с.

2. *Иванова, Т. В.* Ментальность, культура, искусство / Т. В. Иванова // *Общественные науки и современность.* – 2002. – № 6. – С. 168–177.

3. *Крылов, А. А.* Человек и культура [Электронный ресурс] / А. А. Крылов // *PsyEra.ru*: гуманитарно-правовой портал. – Режим доступа: <https://psyera.ru/6074/chelovek-i-kultura>.

4. *Руднев, В.* Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы / В. Руднев. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007. – 528 с.

5. *Степин, В. С.* Конструктивные и прогностические функции философии / В. С. Степин // *Вопросы философии.* – 2009. – № 1. – С. 5–10.

ІДЭЯ АБ ЗВЫШЧАЛАВЕКУ Ў ГЕНЕЗІСЕ НЯМЕЦКАЙ І БЕЛАРУСКАЙ КУЛЬТУР

Т. С. Супранкова,

*старшы выкладчык кафедры культуралогіі
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*

Аўтарам ідэі аб звышчалавеку з'яўляецца вялікі Гётэ, менавіта ў «Фаўсце» ім быў прапанаваны ўпершыню гэты вобраз (так Дух Зямлі называе галоўнага героя: «Цябе, звышчалавек, скруціў мізэрны страх» (пер. В. Сёмухі)) [1, с. 166]. З лёгкай рукі слыннага майстра слова ідэя разрастаецца далей ў прадмет філасофскіх разважанняў. Выспяваючы ў недрах нямецкай культуры, яна прасочваецца ў нацыянальныя літаратуры іншых еўрапейскіх народаў, у тым ліку і беларусаў.

Вобраз чарнакніжніка Фаўста з'яўляецца на нямецкай глебе яшчэ ў часы позняга Сярэднявечча і афармляецца ў эпоху Адраджэння («Гісторыя доктара Ёгана Фаўста, знакамітага чарадзея і чарнакніжніка», 1587). Версіі сюжэта аб Фаўсце да Гётэ былі даволі разнастайнымі і нават палярнымі: ад спробы рэзкай крытыкі нягодных паводзінаў бязбожніка, які захацеў спазнаць свет, да спачування і апраўдання вялікага ў сваіх памкненнях і годнасці Чалавека.

Ёган Вольфганг фон Гётэ стварыў цэласны і завершаны вобраз галоўнага героя, а таксама шэдэўр фаўсціяны ў сусветнай літаратуры. Для яго праца над гэтым творам стала справай усяго жыцця і цягнулася каля шасцідзясяці год, аж да смерці. Гётэ ў якасці галоўнай ідэі твора разглядае прычыну апраўдання Фаўста ў яго імкненні да пазнання свету, у спробах